

Однажды в ресторане Дома журналистов сидела приятная интеллигентная компания и мило беседовала.

— Да! — воскликнул вдруг один из собеседников, — я же забыл показать вам настоящее чудо! — после чего полез в портфель и достал... живую змею.

Это был Николай Николаевич Дроздов, доцент Московского университета и многолетний ведущий программы «В мире животных». В минувшем году этой замечательной передаче исполнилось 25 лет, и Николай Николаевич в ней — почти со дня основания.

— Бытует мнение, что России сейчас не до защиты животных, и тратить эфирное время на эту тему нецелесообразно.

— Конечно, сейчас, как никогда, много серьезнейших проблем. Но из-за невнимания к «братьям нашим меньшим» мы скоро на нашей планете можем оказаться в одиночестве.

Сейчас принято ругать советский уклад жизни. Но при нем по крайней мере выделялись средства на устройство заповедников, охрану животных. Пусть недостаточные, но их было больше, чем сейчас. Положение ужасное, взять хоть уссурийских тигров. У них есть какая-то железа, вроде желчного пузыря, и усы, которые считаются магическими ингредиентами в китайской медицине. Может быть, это и шарлатанство, но убитых тигров нередко находят неободранными, из них только вынута эта железа. Деньги за нее браконьерам платят колоссальные.

Вообще в республиках, получивших самостоятельность, разграбление природы идет мощными темпами, никакой эпохе застоя с этим не сравниться. Скандал был с сайгакими в Казахстане: их убивали тысячами из-за рогов. Я как биолог не совсем понимаю, что можно получить целебного из них. Одно дело, молодые мягкие рога оленя, панты, из которых получают пантокрин, другое — твердые рога сайгака, растущие медленно, как ногти, всю жизнь. Какую вытяжку можно получить из ногтей? И все же операции с этими рогами приняли характер экологического бедствия.

— Почему же ваша передача молчит об этом варварстве?

— Она никогда не была боевой — экологической. Не то что у нас нет желания делать подобные материалы — возможностей нет. Если раньше мы могли прийти к руководству и сказать: мы хотим поехать на Камчатку, потом планируем на Курилы, а в следующем сезоне на Дальний Восток — и ехали, то теперь это невозможно. У компании попросту нет денег на это. Одна оплата транспорта уже нам не по карману. Вот в прошлом году нам дали на неделю «рафик», мы съездили в Окский заповедник. Это была самая дальняя съемка сезона. А дальше — «ищите спонсоров».

ек, не пуделей, а уж такие элитные породы...

— У вас дома есть какие-нибудь животные?

— Да, очень хорошая кошка, хоть и бывшая подзаборная. Мне в клубах, которые мы снимаем, часто предлагают в подарок элитных щенков и котят, но вы же понимаете, это будет взятка «борзыми щенками», как у Гоголя. А нашу кошку — Муньку — принесла моя младшая дочка из подвала, когда было очередное затопление. Мунька такая умница, что даже сама ходит в унитаз. Правда, воду спускать пока не научилась.

— Вы часто в передаче показываете змей, причем так любовно, что многих телезрителей аж передергивает...

НИКОГО НЕ БЕЙТЕ

Рос. газета. - 1995. - 1 янв. - с. 18.

ПО МОРДЕ, ДАЖЕ КРОКОДИЛОВ

— Что же остается доступным для съемки передач?

— Мы используем наши старые фильмы и новые зарубежные. Эти в основном нам дарят как гуманитарную помощь наши иностранные друзья, хотя обычно продают свои фильмы на западном рынке за хорошие деньги. Мы с каждого фестиваля, на который у руководства еще есть средства нас отправить, привозим 10—12 таких кассет. Этим наши командировки как-то и оправдываются.

— Поэтому вы теперь снимаете материалы о московских кошках, собаках, голубях?

— Вот и мне говорят: почему у вас одни кошки да собаки? Очень просто все объясняется: кошки и собаки — это клубы, готовые заплатить, чтобы их показали по телевидению. Нет, они не дают нам взятку — только оплачивают съемку. А мы еще умудряемся, получив на день оплаченную камеру, по дороге в клуб забежать на часок поспинать в зоопарк, который нам никогда не заплатит за съемку, т. к. денег не имеет. Да и в клубах-то мы снимаем не ла-

— Я уже объяснял когда-то, что истинная любовь к животным — это не только умиление на пушистые хорошенькие мордашки. Лучше уж я сосредоточу свою любовь на тех, кто никому не нравится, — на жабах, скорпионах. И на змеях. Они требуют большего внимания и охраны, т. к. их чаще уничтожают просто из-за отталкивающей внешности. Я на самом деле никогда не испытывал отвращения к пресмыкающимся, наоборот, любовался экономностью их форм, изяществом и точностью движений, блеском чешуи...

— Вы учились обращаться со змеями?

— Сперва самоучкой. Но потом приобрел кое-какие навыки у специалистов. Однажды, когда мы были в Африке в экспедиции, я поймал огромную габунскую гадюку и тащу ее за хвост. Она такая тяжелая, что дотянуться до меня головой не может. Я радостный бегу в машину, а она почему-то не приближается. Оказывается, шофер, увидя меня со змеей, поехал. Я кричу: «Ребята, подождите, вы куда?». Они отвечают: «Бросишь ее, тогда подождем». Я бежал, бежал метров двести...

— И бросили?

— А что делать... Еще был замечательный случай, но вспоминать о нем мне стыдно. Потому, что я ударил жи-

вотное, что считаю совершенно недопустимым ни при каких обстоятельствах.

— Расскажите, пожалуйста.

— Хорошо. Дело было в Индии. Требовалось снять крокодилов для фильма «Рики-Тикки-Тави». Пришли в зоопарк, в вольеру. Крокодилы сидят в воде. Згуриди говорит: «Это неинтересно, надо, чтоб они к нам вышли». Позвали зрителя, он выдал нам свежезабитых крыс. Згуриди кинул одну на кромку воды, крокодилы мигом вылетели, съели ее и смотрят на нас. Оператор, стоявший к ним ближе всех, заробел. Но снимает. Згуриди кинул вторую, поближе к оператору, крокодилы подбежали и ее сжевали. Потом крыс уже не осталось, и один крокодил, метров трех, задумчиво посмотрел на ногу оператора и стал к ней пододвигаться. Мне не оставалось делать ничего другого, и я ударил его какой-то палкой по морде.

Это было ужасно, хотя, конечно, ничего уж очень страшного не произошло. Зубов у крокодила много, и они быстро вырастают вновь. Но сам факт насилия... Палкой по морде вообще никого бить нельзя. Даже крокодила.

— Чем же он вам ответил?

— Да ничем, повернулся и уполз назад в воду.

— Мне кажется, что при такой любви к животным вы

должны быть вегетарианцем.

— Я действительно стал таковым в 35 лет, после того как посетил в Индии институт йогов в городе Майсоре. Привез оттуда книги, прочел о пяти ступенях совершенствования. Йогом не стал, но суть принял близко к сердцу.

Да и если обратиться к чистой биологии, человек не всеяден от природы. Он таким стал. Все наши ближайшие биологические родственники, приматы, — вегетарианцы, особенно горилла. Уж посмотрите на нее — и развеваются вымыслы о хищности вегетарианцев. Гора стальных мышц, да и сексуальная энергия ого-го (в отличие, скажем, от тигров и львов, занимающихся любовью только один раз в году).

— А как вы относитесь к меховым шубам?

— Неодобрительно. Одно дело — алеут, одетый в оленьи шкуры и обтягивающий ими свой чум. Это необходимость, у него нет выбора. А вот когда Лоллобриджиду, вышедшую в шубе из леопарда, облили краской, я был доволен. Сейчас на Западе модны искусственные меха, натуральные считаются моветоном.

— Ну а шкуры домашних животных...

— Тоже нехорошо. Конечно, от кожаной обуви куда не деться. Да и сам я, как видите, в холода надеваю шапку из кролика. Но... с нехорошим чувством.

Беседовала
Светлана КУЗНЕЦОВА.